УДК 882

КОЛОНИАЛЬНАЯ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕРМИНОЛОГИЯ И СОДЕРЖАНИЕ

© Элеонора Шафранская

COLONIAL AND POST COLONIAL LITERATURE: TERMINOLOGY AND CONTENT

Eleonora Shafranskaya

In some academic communities, the terms “colonial” and “postcolonial” cause rejection being perceived as anti-Russian marks when used in relation to Russian literature. The article aims, if not to soften this perception, then to methodically introduce these terms into a literary discussion. The previous article, “Phases of Colonial Discourse in Russian Prose about Turkestan”, published in the second issue of the journal “Filologiya i kultura. Philology and Culture” in 2017, made the emphasis on “time phases” both in history and literature on Central Asia. This one will focus on enriching the terms *colonial* and *post-colonial* with the material from Russian literature of the 20th and 21st centuries. The article highlights post-colonial issues in Juri Karabchievsky’s travelogue “Longing for Armenia”, written long before the collapse of the empire, and in post-empire works by Suhbat Aflatuni. We consider the specifics of post-colonial literary methods, and, in particular, the metaphor “stagnation – lethargarium”, and outline the portrait of the lyrical hero in Sanjar Yanyshv’s poetic prose, which is a palimpsest of the colonial and post-colonial periods of Soviet history and modernity. Yanyshv’s lyrical hero is phenomenal as a focal point of today that echoes all traumatic and semi-conscious twists and turns of the twentieth century.

Keywords: colonial literature, Turkestan studies, Nikolay Karazin, postcolonial literature, modern Russian prose, Yuri Karabchievsky, Sukhbat Aflatuni.

Термины колониальный и постколониальный применительно к русской литературе в ряде академических сообществ вызывают отторжение, воспринимаются как антирусские метки. Статья направлена если не на смягчение подобного восприятия указанных терминов, то в какой-то мере на методичное их внедрение в научный дискурс о русской литературе. Если в предыдущей нашей статье «Фазы колониального дискурса в русской литературе о Туркестане», опубликованной в 2017 году во втором номере журнала «Филология и культура. Philology and Culture», основной акцент был сделан на временные фазы как в истории, так и в литературе, посвященной Средней Азии, то в данной статье речь пойдет о наполнении терминов колониальный и постколониальный материалом из русской литературы XX и XXI веков. Основное внимание уделено постколониальным вопросам в травелоге Юрия Карабчиевского «Тоска по Армении», написанном задолго до развала империи, осмыслению постсоветских и постимперских проблем в прозе Сухбата Афлатуни. Сделан акцент на специфике приемов постколониальной литературы: в частности, рассмотрена метафора стагнации – летаргарий. Эскизом дан портрет лирического субъекта стихотворной прозы Санджара Янышева, в которой прочитывается палимпсест колониального и постколониального периодов советской истории и современности. Лирический герой Янышева феноменален как средоточие всех травматических, полусознанных перипетий двадцатого столетия, отзывающихся в дне сегодняшнем.

Ключевые слова: колониальная литература, туркестановедение, Николай Каразин, постколониальная литература, современная русская проза, Юрий Карабчиевский, Сухбат Афлатуни.

Программа конференции «Нации и этничность в гуманитарных науках. Колониализм и неоколониализм: дискурсы и практики», прошедшей в Санкт-Петербургском государственном университете в феврале 2018 года, выглядит как некий срез материала, на котором исследуется проблема колониальности и постколониально-

сти в литературе: в подавляющем большинстве это англоязычная литература (американская, британская, индийская), а также французская, польская, болгарская, сербская и др. Русская литература не часто выступает объектом колониального и постколониального дискурса. Сказывается советская инерция, выраженная в том, что

и дореволюционная Россия, и Советский Союз не колониальные державы. Хотя это не так, и уже давно веско и аргументированно доказано обратное. По словам Ольги Брейнингер, «постколониализм, столь популярный на Западе, на литературной карте России продолжает оставаться белым пятном. Сам термин иной раз встречается в критике, но так редко, что нельзя не согласиться с В. Чернецким в том, что он продолжает оставаться „единственным из больших современных теоретических дискурсов, который гордо и последовательно отвергается в современной России“ <...> Корпус работ, серьезно разрабатывающих постколониальный дискурс применительно к русской литературе, невелик, и показательно, что большинство из них написано или западными учеными, или российскими литературоведами, связанными с западной академией, такими как А. Эткинд или Г. Гусейнов [Брейнингер, с. 166]. По наблюдениям современных исследователей, «еще в 1830-е годы русская проза второго ряда <...> была богата ориенталистско-колониальными сюжетами — „кавказскими“, „калмыцкими“ и т. д. <...> Показательно, однако, что значительная часть ориенталистики была „вытеснена“ из русской литературы в процессе формирования литературного канона — или не была опознана в качестве ориенталистской литературы; так случилось с „Героем нашего времени“» [Эткинд, Уффельман, Кукулин, с. 16] — и не только; говоря о колониально-ориенталистских сюжетах непременно надо обращаться и к «Господам ташкентцам» Михаила Салтыкова-Щедрина, ряду произведений Николая Лескова, Льва Толстого и др. писателей XIX в.

В статье речь пойдет о наполнении заявленных терминов содержанием постколониального научного дискурса, а также материалом русской литературы XIX–XXI вв.

Под колониальной литературой мы понимаем ту, где повествуется о событиях, связанных с процессом колонизации, не без антиколониальных обертонов.

Под постколониальной литературой — ту, в которой осмысляется эпоха колонизации, и не только после распада советской империи, много раньше.

В некоторых академических сообществах термины колониальная и постколониальная литература вызывают отторжение, точнее непонимание, воспринимаются как антирусский дискурс. Мне пришлось с этим столкнуться напрямую. Когда я выступила инициатором и организатором конференции по колониальной и постколониальной литературе, получила от руководства отповедь и запрет на проведе-

ние конференции, в тексте содержались такие слова: «Мы сошлись во мнении, что эта терминология некорректна ни с точки зрения исторической науки, ни с точки зрения истории литературы, крайне тенденциозна, политизирована... более того, оскорбительна как для русского народа, так и для любого народа СССР или России. <...> Если в отдельных странах СНГ эти термины (фигурально, в кавычках) и употребляются, то нам, и по отношению к русской литературе, использовать их по меньшей мере странно». А рецензент магистерской работы о русской колониальной литературе написал, что подобная терминология несет «ненависть к России как к историческому, культурному, религиозному и т. д. уникуму».

С одной стороны, приведенные примеры иллюстрируют инерцию сервильного сознания, находящегося в тисках исторической травмы, с другой, очевидной, — мракобесие.

Расстрелянный в 1938 г. и ныне забытый русский писатель Борис Чепрунов запечатлел в своей прозе колониальную повседневность Туркестанского края начала XX века. В его романе «Колонизаторы» (второе название — «Золотая паутина») все названо своими именами — так было принято до середины 1930-х гг.: «*колониальное русское общество*» [Чепрунов, с. 20], «*темные стороны жизни колонии*» [Там же, с. 33], в колониальных школах «*не изучали ни обширного края, ни народа, его населяющего. Детям внушалось презрение и недоверие к мусульманам-туземцам и уважение к управителям края*» [Там же].

Еще в начале 1930-х гг. термин колониальная литература существовал в идеологически безоценочном дискурсе. С середины тридцатых власть грубо вмешивается в литературоведческую кухню. В публичном идеологическом пространстве появляется новая риторика — антиколониальная, в основе своей противопоставленная колониальной политике царской России: «Обе революции 1917 года, временный распад империи, кровавая Гражданская война и установление большевистского режима с обещаниями построить новое общество на принципах, отрицающих колониализм, стимулировали в российских интеллектуальных кругах артикуляцию антиколониальных дискурсов» [Тольц, с. 169].

Русский прозаик XIX века Николай Карзин в советской историко-литературной табели, ранжирующей писателей, назван колониальным автором. То, как воссоздан колониальный проект по завоеванию Туркестанского края Российской империей в прозе Карзина — очевидца, участника русско-туркестанского проекта, противоре-

ло советским пропагандистским мифам, которые тиражировались на протяжении всего советского XX века. Проза Каразина разрушала благолепие русского присутствия в Туркестанском крае, поэтому она была изъята из круга чтения. После 1917 г. литературное творчество Каразина как бы перестало существовать – советские цензурные организации (Главлит и др.) вычеркнули его из литературной жизни. Наступило полное забвение – забвение двадцати томов прозы, опубликованной в виде полного собрания сочинений Н. Н. Каразина [Каразин] в 1905 г. (хотя были публикации детских книжек Каразина, не имевших отношения к главной теме творчества писателя – колониальному проекту). «В области художественной литературы... ликвидировать литературу, направленную против советского строительства... <...> Можно и должно проявлять строгость по отношению к изданиям со вполне оформившимися буржуазными художественными тенденциями литераторов. Необходимо проявлять беспощадность по отношению к таким художественно-литературным группировкам...» [Лебедев-Полянский, с. 71–72] – так увековечил направление работы Главлита цензор П. И. Лебедев-Полянский, один из редакторов той энциклопедии, где в последний раз (в советский период) упомянут Каразин-литератор. (В 1992 г. появляется энциклопедическая статья о Каразине, возвращающая его в историю литературного процесса XIX в., см.: [Баскаков]).

Тиражировать и тем более исследовать тексты Каразина, содержание которых явно противоречило советской парадигме «дружбы народов», Главлит, вероятно, счел невозможным. В итоге колониальный проект на Восток вылился в некий оправдательный концепт, питающий чувство патриотизма и поддерживающий «особую миссию» русского мира. Этот концепт тиражируется до сих пор, например так: «Крестьянская реформа дала толчок развитию промышленности и торговли. Империя нуждалась и в новых рынках сбыта, и в источниках сырья, и в людских ресурсах для освоения присоединяемых территорий. Обширные среднеазиатские территории могли дать и то, и другое, и третье – если, конечно, поторопиться, не позволив чересчур активной в этом регионе Англии опередить себя» [Кудря, с. 57].

Колониальный дискурс из аналитического и критического в конце XIX в. превращается в первой половине XX в. в жизнеутверждающий, идущий по планете «русский мир», несущий благо, которое «равняется всему социализму» [Платонов, с. 503], – таков концепт счастья, представленный в колониальных текстах 1930-х гг. Анд-

рея Платонова. Это «Джан», «Такыр». «Неизвестный цветок» – классический колониальный канон советского образца. «В аду твой народ уже был, пусть поживет в раю, а мы ему поможем всей нашей силой» [Там же, с. 412], – было сказано платоновскому Чагатаеву в «Центральном Комитете партии».

Широкие перспективы для постколониальных исследований представляет, по словам Ольги Брейнингер, эпоха Советского Союза [Брейнингер, с. 166]. Постколониальные проблемы в русской литературе стали подниматься много раньше крушения советской империи. В качестве примера остановлюсь на повести Юрия Карабчиевского «Тоска по Армении», написанной в 1978 г. – во времена глубокого советского «застоя». Рассказчик-путешественник, подготовленный к поездке в Армению любимым им Мандельштамом, ждет открытий, символически выраженных строкой поэта «Как живет в Эривани синица?». Однако перед глазами рассказчика предстают вполне знакомые картины советского быта, советской ментальности. Обескураженный, он бродит по Еревану: «Все как в Ленинграде или Москве...» [Карабчиевский, с. 202]. Не таким представлял он себе этот город, «какой-то он не армянский» [Там же, с. 194]. Здания производили впечатление временных – архитектура была «никакая, просто среднесоветская архитектура», «времен Днепрогэса и первых пятилеток» [Там же, с. 194]. Повсюду висели красные полотнища. Все привычно, все как везде. Можно прочесть то, что написано на этих красных растяжках, даже не зная языка.

Четыре высокие буквы в самом конце, две разные и две одинаковые, и после них восклицательный знак – как знакомо, как будто всю жизнь читал по-армянски! А вот немного другая фраза, тут в середине римские цифры, но и это нам тоже как семечки. Так легко перевести... [Там же, с. 194–195],

– без труда прочитывает рассказчик очередной лозунг о пронумерованном пленуме или съезде КПСС, лозунг, долженствующий вдохновить советского человека на текущие трудовые подвиги.

Впечатление, произведенное городом, – будто «выехали прежние жители и сразу въехало много армян» [Там же, с. 194], потому что город мало чем отличался от тех столичных локусов большой страны, к которым привык рассказчик: как и везде, главная улица – это «проспект, разумеется, Ленина» [Там же, с. 219]. Правда, люди другие, но декорации прежние – унифицирующие, нивелирующие какие-либо отличия, яв-

но навязанные и силой привнесенные, насаженные как известная агрокультура.

Поражен не только взгляд рассказчика – советскими декорациями, уродующими древнейшую культуру Армении, поражен и слух – армянскими именами, для которых чужды русские антропонимические суффиксы – метаколониальной истории:

Амбарцум – хорошо. Амазасп – прекрасно. Но Амбарцум Амазаспович – это уродливо. Здесь не только борьба чужеродных звучаний, но и ярко выраженная подчиненность, клеймо государственности на лбу [Там же, с. 191].

Буквы армянского алфавита – графические символы культуры и истории, поражающие путешественников по Армении, – тоже попали под прессинг колониальной машины:

Документы, письма, две машинки... Русский шрифт! И опять русский! «Что вы, что вы, – машет рукой Норик, – армянская машинка – это редкость. <...> Все делопроизводство – только по-русски» [Там же, с. 193].

Но, как можно констатировать по прошествии сорока лет после написания травелога Карабчиевского, сила буквы, читай культуры, оказалась сильнее политики: армянский алфавит жив. Несмотря на то что власть делала много, чтобы унифицировать имена, буквы, чувства и мысли. Однако след – колониальный след – все же оставлен:

В русских школах преподают с армянским акцентом, а в быту не читают и не пишут по-армянски, и люди выходят в конце концов полуграмотные, не приобщенные ни к тому, ни к другому... [Там же, с. 264].

Неподцензурность травелога Карабчиевского выражена также литературными штрихами (литература при советской власти – объект ее пристального контроля). Паролем для распознавания своего становится имя «Набоков» – запрещенная при советской власти литературная фигура. Представляя читателю вновь приобретенного армянского друга, рассказчик замечает: «*Но Набокова он тоже, конечно, читал...*» [Там же, с. 250]. Помимо интеллектуального пароля, в повседневности присутствовал и иной – на предмет порядочности: «*...мы долго друг к другу привыкли на предмет стукачества*» [Там же, с. 208].

Набоков упоминается еще раз – в ряду писателей, уничтоженных советской властью или подвергшихся обструкции: когда рассказчик вы-

сказывается по поводу памятников – кому ставить, кому нет. Установка памятников в советской истории воспринимается как властное «*принуждение и навязывание, насилие над свободой оценок и мнений*» [Там же, с. 291].

Встретившись с Грантом Матевосяном, рассказчик делится своими печальными впечатлениями об Армении:

Ереван – не нравится. <...> Я спрашиваю Гранта, где же Армения, если не в Ереване, то где? <...> – Я теперь и не знаю, где Армения. <...> Нет Армении, Юра, где ни ищи, есть только наша тоска по Армении! [Там же, с. 266].

Главные слова, вынесенные в заглавие травелога, произнесены: «*тоска по Армении*» – тоска по уходящей культуре, по вековым ценностям и одновременно – возмущение навязанной моделью жизни, возмущение, перешедшее в тоску-печаль, которая проникла во все сферы бытия.

Рассказчик становится свидетелем застольной беседы:

Сталин был армянином, вот оно что! Мать его была армянкой, точно известно. А отец – грузин, но тоже, как будто, не очень. Еще надо выяснить... [Там же, с. 235].

Так, задолго до постколониальных процессов, ставших предметом изучения гуманитариев, Карабчиевский обозначил этот необычный феномен – присвоение, приватизация лидера метрополии. С одной стороны, подобные прецедентные процессы свидетельствуют о деформации сознания советского и постсоветского человека, сознания, предрасположенного к аберрации, с другой – о присущей ему мифологической органике вообще. «Ни империализм, ни колониализм не являются простыми актами накопления и приращения. Оба они поддерживаются и, возможно, даже приводятся в движение мощными идеологическими образованиями, которые включают в себя представление о том, что определенные территории и народы *нуждаются* и даже вызывают о господстве над ними <...>» [Саид, с. 51] (курсив автора. – Э. Ш.). Гегемония имперской идеологии охватила все колониальные культуры.

В заглавии «Тоска по Армении» звучат антиколониальные обертоны. По совокупности интенций и тематики повесть Карабчиевского могла быть напечатана только в отсутствии цензуры – в 1988 г. в «Литературной Армении». Удивляет пророчество Карабчиевского: он обозначил ряд векторов, которые актуализировались в контексте современных постколониальных штудий.

Георгий Кубатьян, хорошо знавший Юрия Карабчиевского, пишет: «<...> Политика как таковая ничуть его не привлекала. Перед нами писатель, поневоле политизированный. Он-то политикой не занимался, но в стране, где свободная мысль заведомо крамольна, писания Карабчиевского были непроходимы по причинам именно политическим» [Кубатьян, с. 252]. «Тоска по Армении» – весомое свидетельство как истории XX века, так и истории русской литературы.

Процессы, связанные с распадом советской империи и вписывающиеся в постколониальную проблематику, – основные в прозе современного писателя Сухбата Афлатуни (Евгения Абдуллаева). Постсоветские коллизии на окраинах бывшей империи присутствуют в его сюжетах на разных уровнях текста: композиционном, детальном, аксиологическом, символическом, локальном.

Один из главных постколониальных мотивов прозы Сухбата Афлатуни – гибель места, его стагнация. В контексте этого мотива рождается беспрецедентный в лексическом отношении образ л е т а р г а р и я . В повести «Пенуэль» летаргарий – медицинское учреждение: туда свозят тех, кто заснул летаргическим сном, – так писатель метафоризирует постсоветское состояние отпочковавшихся от России среднеазиатских государств.

В последнее время в Средней Азии участились случаи тяжелой летаргии. С целью профилактики рекомендуется... <...> – Можем, конечно, прививку, но это, извиняюсь, за оплату. <...> А разве летаргия – заразная? <...> Главврач издал приказ, что заразная... [Афлатуни, 2007, с. 52–53].

В рассказе «Остров Возрождения» летаргарий предстает в виде острова смерти: читательская рецепция эсхатологического ландшафта попадает в зону усиления, создаваемую антинормативным заглавием. Реальное географическое название – остров Возрождения – становится символическим, расширительным, куда, помимо каракалпакских земель, входит и музей с собранием русского авангарда:

Музей авангарда, зеленые лица, поломанные тела. Мир, разваливающийся на первоэлементы. <...> Иссякло море, оставив торчащие в песках скелеты кораблей – лучшую инсталляцию века. Лица людей, небо, земля – все постепенно становилось как на картинах. Даже еще авангарднее [Афлатуни. Остров Возрождения, с. 93–94].

Мудак у вас шофер! – От такого слышу! – улыбнулся ему в спину шофер. <...> – Вот из-за таких, как ты, и Чернобыль, и все. – А из-за тебя – Союз! [Там же, с. 112–113]

– препираются персонажи, им до сих пор трудно смириться с распадом империи. Они обвиняют в этом местного юродивого:

Его звали «Горбачев». Или «Михаил Сергеевич». Как кому нравилось. Возник он, как и все на острове. Из пустоты. Из ветра-шалуна. Из капсулы с порошком сибирской язвы (возможно, несуществующей). <...> Другие говорили, что он пришел на остров после того, как контингент исчез <...> унесся в сторону России. <...> Горбачев стал хозяином острова [Там же, с. 100–101], хозяином этой «ничто-земли» [Там же, с. 117].

В рассказе «Жало» [Афлатуни. Жало] атмосфера стагнации места и его культуры выражена не только сменой алфавита (кириллицы на латиницу), но и «рубежной языковой компетентностью»: рассказчик толком не знает ни родного языка, ни языка, привнесенного колонизаторами. Потому что «люди непередаваемы. Нельзя их вынимать, как слова, из одного языка и, лишая памяти, родины, детства – перетаскивать в другой» [Афлатуни. Ташкентский роман, с. 209] – говорится в другой повести – «Ташкентский роман» – Сухбата Афлатуни.

Одна из главных героинь рассказа «Жало» – Вик-Ванна (Виктория Ивановна), пожилая русская женщина, прошедшая войну, орденосец. По бывшей советской традиции и инерции в Узбекистане, независимом государстве, где происходит действие рассказа, отмечают День Победы. Вик-Ванна вместе с другими ветеранами войны приглашена на праздник. Празднование организовано по утвержденному сценарию – помпезно и бесчеловечно. Однако в традицию вплетен новый постколониальный штрих. Вик-Ванне повезло: она попала в объектив телевизионщиков.

Стоп! Мать вашу! Почему советские медали? Отколите советские или ладонью прикройте, да... хотя бы так. Переснимаем [Афлатуни. Жало, с. 165].

Вик-Ванне нет места в этом времени, оно для нее остановилось.

В центре сюжета повести-притчи «Глиняные буквы, плывущие яблоки» воссоздана жизнь условного среднеазиатского локуса, в прошлом – колониальной «лаборатории» по созданию «нового советского человека». Читатель застаёт жизнь этого места в точке выхода из «русской империи»: «<...> Москва нашей столицей быть расхотела...» [Афлатуни. Глиняные буквы..., с. 13]. Исчезла вода, умирает все живое. Однако по-прежнему жизнь воспринимается, как учили в советской школе (и в этом месте тоже), литера-

туроцентрично. Преподавание литературы Старым учителем (то есть советским) породило в сознании жителей этого места уродливые и комические абберрации: «... в России хороших поэтов много, в России вода есть» [Там же, с. 21], Лермонтов – первый русский космонавт [Там же, с. 8], «Владимир Ильич Маяковский» (выделено нами. – Э. Ш.) [Там же, с. 21].

Эсхатологизм ландшафта притчи провоцирует на поиск морализаторской сути: за что пострадали жители этого места? Они то и дело вспоминают недавнее прошлое: «Когда у нас русские жили...» [Там же, с. 19], «отношения с Россией сейчас неопределенные...» [Там же, с. 13], «Когда в село советская власть пришла...» [Там же, с. 24]. За этот не столь большой исторический период был утрачен древний алфавит, поиском которого занят Молодой учитель – представитель забытого, но возрожденного им учения – суфизма. Когда он нашел последнюю букву, необходимую для пения сакральной молитвы, все вернулось: и вода, и красота, и жизнь; исчезли сатрапы, но главное – была предотвращена трагедия, казнь Молодого учителя.

Средняя Азия на страницах прозы Сухбата Афлатуни, погрузившись в летаргарию, безвременье, безусловно, разделила судьбу всей империи. Среднеазиатское безвременье изображено в его повести «Год барана» [Афлатуни, 2011] как завершающая фаза колонизации. «Баран» в заглавии и «баран» в качестве многофункциональной детали в сюжете повести стал приметой безвременья, истоки которого в виде аллюзии отсылают к «баранине» из «Господ ташкентцев» Михаила Салтыкова-Щедрина. Щедрин не менее умышленно, чем Сухбат Афлатуни, акцентирует эту деталь: «да разве вы не слышали, какая у них там баранина», «баранина, я вам скажу», «я слышал, что баранину можно достать отличную», «да там, говорят, такая баранина», «баранина от многих недугов исцеляет!», «они по постам баранину лопают» – «такова судьба цивилизующего начала! Оно истребляет туземных баранов и, взамен того, научает обывателей удовлетворяться духовною пищею!» [Салтыков-Щедрин, с. 45–47].

Образ летаргария окончательно сформирован в рассказе Сухбата Афлатуни «Русский музей». Собственно постколониальность воплощена в метафоре «музей». В тексте рассказа мелькнула деталь – старый дом «колонизальной постройки» [Афлатуни. Русский музей, с. 14]. Колониальная интенция рассказа сопряжена с образом героя по имени Сергей. Воспитанный русской няней Баболей, эвакуированной в Среднюю Азию ленинградкой, мальчик получил от нее не только рус-

ское имя (взамен Сиродижина), но и трепетное отношение к вещам как предметам с биографией – «в нем проснулся коллекционер» [Там же, с. 15]. Он стал собирать вещи отъезжавших русских.

Со временем, когда они все уедут, а оставшиеся растворятся среди местных, он откроет частный музей. В него будут приходить люди и удивляться [Там же, с. 15].

Страстным желанием было получить по смерти Баболей ее «царскую кровать», сделанную на заказ еще в военное время. Но кровати больше нет.

Когда на похоронах ее потребовалось немного сдвинуть, она рассыпалась. Пришедших было много. Многие еще помнили Баболю. Каждый унес на память по фрагменту развалившейся кровати [Там же, с. 19].

Эти обломки — символический артефакт «цивилизаторского проекта», стартовавшего в XIX в.

Постколониальность в современной литературе зашифрована не только в притчевых символах и метафорах, она породила феномен *mentalis loci*: после развала империи многие прозаики и поэты вынуждены были мигрировать вслед за русским языком своего творчества, являя в литературе некое культурное двойничество: «Полукровство явило новую „микрорасу“ со своим особым менталитетом. Русская литературная речь, привитая элитной прослойке коренных жителей азиатских республик, приносила в сочетании с традиционно восточным укладом быта и мышления весьма неожиданные плоды» [Янышев, Афлатуни, Муратханов, с. 107]. Таким «неожиданным» голосом создает лирическую прозу московский поэт Санджар Янышев. В портрете и мироощущении его лирического субъекта угадываются черты постимперского, или постколониального, сознания – по хронотопу и метиссажу. Остановимся на одном примере – «Баллада о патыре». Перед нами эпический сюжет – частный случай войны на фоне вселенского военного события: раненые, изголодавшиеся, умирающие бойцы, которых взялся спасти «партизан Азамат Рустамов». Первым делом – во спасение – «он отправился на поиски глины» [Янышев, 2017 с. 74]. (Был в истории культуры подобный сюжет с подобным же вектором: во спасение евреев, которые должны были погибнуть в очередном погроме, рабби Лейб отправился на поиски глины, чтобы слепить из нее Голема. К рабби пришел один из тридцати шести тайных праведников:

«Сделайте голема, и он вас спасет. – Голема? Как это? Из чего? – Из глины» [Зингер, с. 20].)

Азамат Рустамов делает из глины тандыр, среднеазиатскую печь, чтобы испечь в ней лепешку, которая спасет всех от голодной смерти. Но это не простая лепешка – это патыр. Его в народе называют долгоиграющей лепешкой, с нею отправлялись в путь через пустыню караванщики.

<...> Последняя картофелина была подавлена в кашницу, растерта в порошок рукояткой нагана. / Рустамов снял с шеи тряпицу, внутри оказались сухие белесые почки какого-то растения. / «Исрык», – пояснил (специально для Суслика), растолок и всыпал в муку. / Туда же замешал горсть золы и каплю древесной смолы. / Сформованный блин он прилепил к внутренней стенке вулкана — над тлеющими углями... / «Бу менинг Мухаббат!» – сказал Рустамов. / Каждый из пятнадцати взял по горячему кусочку патыра. / Мой кусок все еще у меня, вот он. / Свидетельствую: все уцелели [Янышев, 2017, с. 75].

Голем в иудаистской мифологии – версия Спасителя (Машиаха, Мессии), приход которого бесконечно ожидает еврейский народ. В череде спасителей, с точки зрения иудеев, был Иисус Христос. Но все они: и Голем, и Христос, и еще много других – в итоге не оправдали ожидания иудеев. В отличие от рецепции последователей Христа – они признали в нем Спасителя. Это он «взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое» (Мф. 26:26). Так работает метатекст – глобальная культура, осознанно или опосредованно явленная в «Балладе о патыре». Так в один культурологический ряд встроены Голем, Христос и патыр (персонифицированный «Азамат Рустамов»). И если еврейского Голема надо было оживить начертанным на его лбу одним из имен бога, то жизнь патыру дают не менее сакральные слова «Бу менинг Мухаббат» – это моя любовь (где Мухаббат означает и любовь, и женское имя). (Или, по евангелической версии, это тело мое).

Почему Санджар Янышев обращается к теме войны? Одна из причин очевидная, связанная с постколониальной рецепцией. Россия приватизировала победу во Второй мировой. Победа стала русским брендом. А как же узбеки? Череда нынешних поколений не знает, какую поддержку и помощь внесла в общую победу Средняя Азия.

<...> В своем Хлебном Городе мы принимаем беженцев и делим с ними лепешку, делим кишмиш, делим всякую участь. / Мы сами эвакуанты [Янышев, 2017, с. 23].

Дед лирического героя «из Берлина с щитом вернулся...» [Там же, с. 13].

Так, перетекая из одной культуры в другую, из современности в прошлое, из страны и языка предков в свое нынешнее состояние, метаморфизуясь, перевоплощаясь, лирический субъект Янышева, с одной стороны, сопряжен с колониальной историей бывшей империи, которая считается в виде палимпсеста в повествовании лирической прозы, с другой – его сознание воплощает постколониальную рецепцию. Это вполне осознанная и артикулированная автором позиция, выраженная в поэтическом манифесте: «Мы всегда подчеркиваем уникальность пространственно-временного контекста, возникшего на окраине некогда великой Империи» [Янышев, 2004, с. 5]. Собственно в этом и заключается суть постколониальной рефлексии – в понимании иприятии мультикультурной обреченности.

Список литературы

- Афлатуни С. Глиняные буквы, плывущие яблоки: Повесть-притча. Октябрь. 2006. № 9. С. 3–63.
- Афлатуни С. Год Барана: Макамы // Дружба народов. 2011. № 1. С. 40–96.
- Афлатуни С. Жало: Рассказ // Сухбат Афлатуни. Дикий пляж: Сб. рассказов. М.: Рипол классик, 2016. С. 134–184.
- Афлатуни С. Остров Возрождения: Рассказ // Сухбат Афлатуни. Дикий пляж: Сб. рассказов. М.: Рипол классик, 2016. С. 89–118.
- Афлатуни С. Пенуэль: Повесть // Октябрь. 2007. № 9. С. 3–73.
- Афлатуни С. Русский музей // Сухбат Афлатуни. Дикий пляж: Сб. рассказов. М.: Рипол классик, 2016. С. 5–19.
- Афлатуни С. Ташкентский роман. СПб.: Амфора, 2006. 239 с.
- Баскаков В. Н. Каразин Николай Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2: Г–К. Гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 468–469.
- Брейнингс О. Безмолвный протест // Октябрь. 2012. № 10. С. 166–169.
- Зингер И.-Б. Голем и другие рассказы для детей / пер. с англ. М.: Лехаим, 2003. 160 с.
- Карабчиевский Ю. Тоска по Армении // Ю. Карабчиевский. Тоска по дому: Роман, повести. М.: Слово, 1991. С. 185–296.
- Каразин Н. Н. Полное собрание сочинений: в 20 томах. СПб.: изд. П. П. Сойкина, 1905.
- Кубатьян Г. Масштаб явления. Армянская проза В. Гроссмана, А. Битова и Ю. Карабчиевского // Кубатьян Г. Ворванный воздух: Статьи и заметки. Ереван: РАУ, 2005. С. 238–253.
- Кудря А. И. Верецагин. М.: Молодая гвардия, 2010. 428 с.

Лебедев-Полянский П. И. Из докладной записки Оргбюро ЦК ВКП(б) о деятельности Главлита // Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2002. С. 70–74.

Платонов А. Избранные произведения. М.: Экономика, 1983. 880 с.

Саид Э. В. Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль, 2012. 734 с.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 томах. М.: Художественная литература, 1970. Т. 10. 839 с.

Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

Чепрунов Б. Золотая паутина: Роман. Ташкент: Ёш гвардия, 1963. 302 с.

Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 6–54.

Янышев С. Еще раз про золотое сечение, или Final cut // Малый шелковый путь: Новый альманах поэзии. Вып. 5. Ташкент: Фан, 2004. С. 5–6.

Янышев С., Афлатуни С., Муратханов В. Групповой портрет: О русской узбекской поэзии // Арион. 2001. № 3. С. 107–108.

Янышев С. Умр: Новая книга обращений. М.: Арт хаус медиа, 2017. 144 с.

References

Aflatuni, S. (2006). *Gliniane bukvy, plyvushchie iabloki* [Clay Letters, Floating Apples]. *Povest'-pritcha. Ok-tiabr'*. No. 9, pp. 3–63. (In Russian)

Aflatuni, S. (2011). *God Barana* [The Year of a Ram]. *Makamy. Druzhba narodov*. No. 1, pp. 40–96. (In Russian)

Aflatuni, S. (2016). *Ostrov Vozrozhdeniia* [The Island of Renaissance]. *Rasskaz. Sukhbat Aflatuni. Dikii pliazh*. Sb. rasskazov. Pp. 89–118. Moscow, Ripol klassik. (In Russian)

Aflatuni, S. (2007). *Penuel'* [Penuel]. *Povest'. Oktiabr'*. No. 9, pp. 3–73. (In Russian)

Aflatuni, S. (2016). *Russkii muzei* [The Russian Museum]. *Sukhbat Aflatuni. Dikii pliazh*. Sb. rasskazov. Pp. 5–19. Moscow, Ripol klassik. (In Russian)

Aflatuni, S. (2006). *Tashkentskii roman* [The Tashkent Novel]. 239 p. St. Petersburg, Amfora. (In Russian)

Aflatuni, S. (2016). *Zhalo* [A Sting]. *Rasskaz. Sukhbat Aflatuni. Dikii pliazh*. Sb. rasskazov. Pp. 134–184. Moscow, Ripol klassik. (In Russian)

Baskakov, V. N. (1992). *Karazin Nikolai Nikolaevich* [Karazin Nikolay Nikolaevich]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. T. 2: G–K. Gl. red. P. A. Nikolaev. Pp. 468–469. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia. (In Russian)

Breining, O. (2012). *Bezmolvnyi protest* [The Silent Protest]. *Oktiabr'*. No. 10, pp. 166–169. (In Russian)

Cheprunov, B. (1963). *Zolotaia pautina* [The Golden Web]. Roman. 302 p. Tashkent. Esh gvardiia. (In Russian)

Etkind, A., Uffel'mann, D., Kukulin, I. (2012). *Vnutrenniaia kolonizatsiia Rossii: mezhdu praktikoi i voobrazheniem* [Internal Colonization of Russia: Between Practice and Imagination]. Tam, vnutri: Praktiki vnutrennei kolonizatsii v kul'turnoi istorii Rossii: sb. statei. Pp. 6–54. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Ianysh, S. (2004). *Eshche raz pro zolotoe sechenie, ili Final cut* [Once Again about a Golden Ratio, or Final Cut]. *Mal'yi shelkovyi put'*: Novyi al'manakh poezii. Vyp. 5, pp. 5–6. Tashkent, Fan. (In Russian)

Ianysh, S. (2017). *Umr: Novaia kniga obrashchenii* [Umr: A New Book of References]. 144 p. Moscow, Art khaus media. (In Russian)

Ianysh, S., Aflatuni, S., Muratkhanov, V. (2001). *Grupповой портрет: O rus-skoi uzbekskoi poezii* [A Group Portrait: On Russian Uzbek Poetry]. *Arion*. No. 3, pp. 107–108. (In Russian)

Karabchievskii, Iu. (1991). *Toska po Armenii* [Longing for Armenia]. Iu. Karabchievskii. *Toska po domu: Roman, povesti*. Pp. 185–296. Moscow, Slovo. (In Russian)

Karazin, N. N. (1905). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. V 20 tomakh. St. Petersburg, izd. P. P. Soikina. (In Russian)

Kubat'ian, G. (2005). *Masshtab iavleniia. Armianskaia proza V. Grossmana, A. Bi-tova i Iu. Karabchievskogo* [The Scale of the Phenomenon. Armenian Prose by V. Grossman, A. Bitov, and Y. Karachevskiy]. Kubat'ian G. *Vorovannyi vozdukh. Stat'i i za-metki*. Pp. 238–253. Erevan, RAU. (In Russian)

Kudria, A. I. (2010). *Vereshchagin* [Vereshchagin]. 428 p. Moscow, Molodaia gvardiia. (In Russian)

Lebedev-Polianskii, P. I. (2002). *Iz dokladnoi zapiski Orgbiuro TsK VKP(b) o deiatel'nosti Glavlita* [From the Report of the Organizational Bureau of the Central Committee of All-Union Communist Party (Bolsheviks) about Glavlit's Activity]. *Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia: Dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 / pod red. A. N. Iakovleva*. Pp. 70–74. Moscow, MFD. (In Russian)

Platonov, A. (1983). *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. 880 p. Moscow, Ekonomika. (In Russian)

Said, E. V. (2012). *Kul'tura i imperialism* [Culture and Imperialism]. 734 p. St. Petersburg, Vladimir Dal'. (In Russian)

Saltykov-Shchedrin, M. E. (1970). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. V 20 tomakh. T. 10. 839 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Tol'ts, V. (2013). *“Sobstvennyi Vostok Rossii”*: *Politika identichnosti i vo-stokovedenie v pozднеimperiiskii i rannesovetskii period* [“Russia's Own East”: The Policy of Identity and Oriental Studies during the Late Imperial and Early Soviet Period]. 336 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Zinger, I.-B. (2003). *Golem i drugie rasskazy dlia detei* [The Golem and Other Stories for Children]. Per. s angl. 160 p. Moscow, Lekhaim. (In Russian)

The article was submitted on 05.03.2019

Поступила в редакцию 05.03.2019

Шафранская Элеонора Федоровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Московский городской педагогический
университет,
121069, Россия, Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.
shafranskayaef@mail.ru

Shafranskaya Eleonora Fedorovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Moscow City Teacher's Training University,

4 Vtoroy Sel'skokhozyaystvennyy Proyezd,
Moscow, 121069, Russian Federation.
shafranskayaef@mail.ru